

Лирический символизм Блока. «Стихи о Прекрасной Даме»

В. Назаров

В основе первых произведений цикла «Стихи о Прекрасной Даме» Александра Блока лежало философское учение Вл. Соловьева. Идеальным состоянием человека и общества, по Соловьеву, являлось гармоническое единство мысли, чувства, веры и поступков, то есть соединение двух начал — божественного и природного. Смысл человеческой жизни заключался в том, чтобы создать «личность, совмещающую в себе два естества и обладающую двумя волями». Подлинным центром соловьевской философии «всеединства» являлось учение «о цельном человеке» и «цельном обществе» («теократии»), согласно которому человек по своей сущности «двуедин», «двуприроден», он совмещает в себе два начала: духовное и материально-чувственное. Соловьев пытался создать образ «цельного человека», в котором сочетались бы начала материально-чувственное и духовное, общественное и частное, личное и общее.

Все это подкреплялось также стихами Соловьева. Согласно его метафизике, между реальным миром и создавшим его Богом находится некая промежуточная область, которую Соловьев именуется «Софией премудростью Божьей» или женственным началом мира:

Белую лилию с розой,
С алою розой мы сочетаем.
Тайной пророческой грезой
Вечную истину мы обретаем.

Такую философию отразил в своих стихах Блок, но уже по-новому: в его творчестве воплощение Прекрасной Дамы вышло вовсе не по канонам «соловьевства»... Вечная Жена в духе теорий Вл. Соловьева должна была быть избавительницей от хаоса, носительницей гармонии, всепримиряющего начала. Но в стихах Блока Вечная Жена на деле часто лишается этого ореола и воспринимается читателем порой как выражение самой жизни в противоречивом и драматическом ее проявлении.

Н. Оскольский

Циклы «Стихов о Прекрасной Даме» (1901–1902) прежде всего отвечают живому, горячему, напряженному чувству Блока к Л.Д. Менделеевой. Это поклонение ей всецело захватило поэта и обратилось в создание стихов, которые стали началом творческого пути Блока как уже сложившегося самобытного художника. В стихах о Прекрасной Даме поэт воспевает ее и наделяет божественностью, бессмертием, выражающимися в безграничности ее власти, всемогуществе чувства и деяний, непостижимости для смертного человека ее замыслов, премудрости поступков. Все эти качества поэт усматривает в своей Прекрасной Даме, которая ныне «в теле нетленном на землю идет». Блок вторит заклинаниям Вл. Соловьева, который в своих философских изысканиях утверждал божественность Женского Начала и великое могущество Вечной Женственности.

Поэт мыслил свою жизнь как молитвенное служение возлюбленной; он говорил впоследствии: «...Я встретил ее здесь, и ее земной образ, совершенно ничем не дисгармонирующий с неземным, вызвал во мне ... бурю торжества...» (1918).

Отныне поэт видит себя в образе рыцаря, давшего обет вечного служения своей возлюбленной, своей Прекрасной Даме, и поклоняющегося только ей:

Вхожу я в темные храмы,
Свершаю бедный обряд.

Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцании красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.

Подвластный этой страсти-наваждению и полностью захваченный ею, поэт видит в Прекрасной Даме абсолютное совершенство, ее реально зримые черты представляются ему небесными и божественными. Она для поэта «Владычица вселенной», у ног которой простираются все земли:

Я — тварь дрожащая. Лучами
Озарены, коснеют сны.
Перед Твоими глубинами
Мои ничтожны глубины.
Не знаешь Ты, какие цели
Таишь в глубинах Роз Твоих,
Какие ангелы слетели,
Кто у преддверия затих...
В Тебе таятся в ожиданьи
Великий свет и злая тьма —
Разгадка всякого познания
И бред великого ума.

(«Я — тварь дрожащая...», 1902)

Л. Северов

В «Стихах о Прекрасной Даме» Блок покорно склоняет перед Ней колена, погружаясь в свои «сказки и сны». Он готов всегда служить «Величавой Вечной Жене», чей земной образ неотделим от того, который мерцает на иконах в сиянье лампад и золоте риз, он страстно желает безропотно выполнять ее волю, святую для него.

Прекрасная Дама, единая и неизменная в своем совершенстве, в своей дивной прелести, вместе с тем постоянно меняет черты и является перед своим рыцарем и слугой то «Девой, Зарей, Купиной», то «Женой, облеченной в солнце»:

Белая Ты, в глубинах несмутима,
В жизни — строга и гневна.
Тайно тревожна и тайно любима,
Дева, Заря, Купина.
Это к ней взывает поэт:
Тебе, Чей Сумрак был так ярък,
Чей Голос тихостью зовет, —
Приподними небесных арок
Всё опускающийся свод...

Ему кажется: сотворение чудес в ее власти, стоит ей лишь пожелать их! В молитвенном преклонении перед Прекрасной Дамой поэт устремляется к небесному, забывает обо всем земном. Иногда поэтика этих стихов совпадает в своей торжественности с церковными песнопениями, псалмами, молитвами:

Здесь — смиренномудрия
Я кладу обеты.
В ризах целомудрия,
О, святая! где ты?

Любовь — начало, соединяющее поэта с божеством, для Блока принимает грандиозные, вселенские, «надвременные» масштабы, чуждые обычных земных измерений:

В моем забвеньи без печали
Я не могу забыть порой,

Как неутешно тосковали
Мои созвездья над Тобой.

Н. Горбунов

В «Стихах о Прекрасной Даме» слова — звучат, звук — имеет определенный «божественный» цвет: среди «неверных дневных теней» раздаётся «высокий и внятный колокольный звон». Часто среди «суевливых дел мирских» поэт стремится услышать хотя бы самый отдаленный отзвук «голосов миров иных», тех миров, которые являются единственно истинным бытием, рядом с которым тенью и призраком кажется все земное и «бренное»:

Ты здесь пройдешь, холодный камень тронешь,
Одетый страшной святостью веков,
И, может быть, цветок весны уронишь
Здесь, в этой мгле, у строгих образов.

Захваченный преданьем о родстве душ, обреченных на вечные поиски друг друга, поэт верит, что его душа

...в тиши
Неустающим слухом ловит
Далекий зов другой души...

Блоку не нужно ни «злата», ни «хлеба», все это — лишь тень перед «неподвижным солнцем» его любви:

Новый день — не тот, что бьется
С ветром в окна по весне!
Пусть без умолку смеется
Небывалый день в окне!

Мы тогда откроем двери,
И заплачем, и вздохнем,
Наши зимние потери
С легким сердцем понесем...

Преисполненный жаждой подвига во имя Прекрасной Дамы — подвига служения, требующего всей жизни, поэт утверждает, обращаясь к возлюбленной, в которой для него сосредоточены вся тайна и весь смысл бытия:

Час придет — в холодные метели
Даль весны заглянет, весела.
Я укрыт до времени в приделе.
Но растут всемошные крыла.

Так воля к подвигу явственно сказывается в творчестве Блока, хотя его свершение рисуется молодому поэту в смутных, отвлеченных чертах, чуждых реальной жизни. Блок еще сам не знает, что это за подвиг, предчувствие которого преисполнило его душу ожиданиями и восторгом.

Стремление к подвигу, композиционно объединившее «Стихи о Прекрасной Даме» Блока, часто выражено в образах книжных, притчевых:

Я вырезал посох из дуба
Под ласковый шепот вьюги.
Одежды бедны и грубы.
О, как недостойны подруги!
...
Месяц и звезды в косах...
«Входи, мой царевич приветный...»
И бедный дубовый посох
Заблестит слезой самоцветной...

Поэт часто обращается к далекому прошлому, к старинным легендам и древним мифам и обряжает подвиг в рыцарские одеяния. Как свидетельствует Сергей Соловьев, эпиграфом в тетради стихов раннего Блока, посвященных Прекрасной Даме, служили слова Пушкина о «бедном рыцаре»:

Он имел одно виденье,
Непостижимое уму...

В своих мечтах поэт и представлялся самому себе тем «бедным рыцарем», о котором некогда писал Пушкин, и так же готов был почитать наивысшим счастьем, какое может выпасть на долю человека, служение Прекрасной Даме:

Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте,
Л.Д.М. — своею кровью
Начертал он на щите...

К. Морозов

Часто в «Стихах о Прекрасной Даме» Блок воображал себя «богом таинственного мира», думал, что весь мир — в одних его мечтах, что только он является прибежищем самой первой и самой последней тайны бытия, неотделимого от «вечно женственного», божественного начала. Все это изменяло чувства и переживания лирического героя, составляющие пафос стихов о Прекрасной Даме:

Спи. Да будет твой сон спокоен.
Я молось, я дыханью внемлю.
Я грушу, как заоблачный воин,
Уронивший панцирь на землю.
...
Я безумец! Мне в сердце вонзили
Красноватый уголь пророка!
Ветви мира тебя осенили...
Непробудная... спи до срока.

Но в последующих стихах Блока читатель улавливает начало той внутренней раздвоенности чувств поэта, которая с годами станет все явственнее и очевиднее. Блок еще охвачен «бурей торжества», вызванной верой в свое божество, кому все на земле подвластно и послушно. Но вместе с тем его тревожит предчувствие другой бури, после которой, может быть, ничего не останется от былых видений. Это предчувствие вызывает двойственность переживаний Блока, порождает тему «двойничества» — одну из самых устойчивых и постоянных в его лирике:

...Мой час молитвенный недолог —
Завтра обуяет сон.
Еще звенит в душе осколок
Былых и будущих времен...

Облик возлюбленной, кажущийся поэту божественным, вдохновляющий на молитвенно-покорное служение, вместе с тем пробуждает и иную жажду, которую не утолить одними мечтами. Иные, новые, пугающие самого поэта желания слишком враждебны обету «смирennemудрия»: столько в них земного, плотского. Подчас они представляются поэту темными и страшными. Так возникает в лирике Блока двойственность страстей и стремлений, противоречие внутреннего мира лирического героя:

Но, душу нежную губя,
В себя вонзая нож,
Я в муках узнавал тебя,
Блестательная ложь!

О, запах пламенный духов!
О, шелестящий миг!
О, речи магов и волхвов!
Пергамент желтых книг!

Ты, безымянная! Волхва
Неведомая дочь!
Ты нашептала мне слова,
Свивающие ночь.

(«Лазурью бледной месяц плыл...», 1906)

Эти «темные силы» вызывали в минуты молитвы перед внутренним взором поэта далеко не молитвенные образы; вот почему поэту казалось, что у него в храме

...из-под маски лицемерной
Смеются лживые уста...

Еще недавно Блок мог убеждать себя, обращаясь к своей возлюбленной:

Суровый хлад — твоя святая сила:
Безбожный жар нейдет святым местам...

Но скоро «безбожный жар» растопил сковавший чувства поэта «суровый холод», и уже иные гимны и моления, обозначенные в его о лирике, начал он слагать во имя возлюбленной. Так, стихотворение, казалось продиктованное «смирennemудрием», завершается неожиданным призывом:

Испытаний силою
Истомленный — жду я
Ласковую, милую,
Вечно молодую.

Переживания инок, который находил свое главное назначение в том, чтобы зажигать свечи перед ликом своей возлюбленной, сменяются бурными, земными, непокорными страстями. Вот почему стихи Блока все больше утрачивают свой идиллически безмятежный и молитвенно-созерцательный характер. Поэт прерывает свои молитвы неожиданным возгласом, обращенным к возлюбленной, в которой еще недавно он видел только небесные и иконописные черты:

О, взойди же предо мною
Не в одном воображеньи!

Л. Петрова

Природа противоречий в душе лирического героя «Стихов о Прекрасной Даме» была недостаточно понятна самому поэту, но в них явственно чувствуется то брожение, которое впоследствии охватит всю лирику Блока, придаст ей необычайную остроту и внутренне противоречивый характер. Поэту становится все очевидней, что нестерпимо, до боли ясный горизонт ныне сквозит «ночною тьмой». Это жажда, которую невозможно утолить лишь «одним воображением», только снами, мечтами, молитвами. И он, раскаиваясь, вновь ищет утешения в храме:

...снова кругом тишина,
И плачущий голос затих...
И снова шепчу имена
Безумно забытых святых.

Поэт находит силы признаться себе в том, что какие-то новые желания и влечения охватывают его, и с его уст срываются странные и тревожные слова:

О, как паду — и горестно и низко,
Не одолев смертельных мечты!..

Блок теряет перед сложностью и нарастающей противоречивостью своих переживаний, переставая различать «лживые маски» нового чувства и прежний, до боли знакомый лик Прекрасной Дамы. «Раздвоенность» поэта вызывает в его творчестве новые образы: двойников, масок, арлекиниады:

Свет в окошке шатался,
В полумраке — один —
У подъезда шептался
С темнотою арлекин.

Был окутанный мглою
Бело-красный наряд.
Наверху — за стеною —
Шутовской маскарад.

Представление о жизни как о «шутовском маскараде», где люди прячут свои лица «в разноцветную ложь», прикрывают их масками, за которыми таится нечто странное, незнакомое, жутковатое, обозначает, что почти детская ясность и цельность воззрений поэта сменяется драматической растерянностью. Он сам еще не в силах понять, какая «разноцветная ложь» скрывается за этими масками, но чувствует, что она влечет его безудержно и неотвратимо. Новое, трагическое, угрожает непоправимыми бедами и неизбежными потерями. Вот почему прежняя его вера в Прекрасную Даму часто сменяется иронией и недоверием. Поэт еще не разобрался ни в «метели» своих новых переживаний и ощущений, ни в характере той, которая и сама готова слушать и произносить «слова о какой-то любви»:

Он — мечом деревянным
Начертал письмена.
Восхищенная странным,
Потуплялась *Она*.

Восхищенью не веря,
С темнотою — один —
У задумчивой двери
Хохотал арлекин.

Поэт, которого терзают «двойные мысли», чувствует и на своем лице «лицемерную маску». Он воображает себя паяцем, возникающим на потеху публике возле блестящей рампы. Его преследует видение:

...в тени последней кулисы
Кто-то плачет, жалея меня.

Этот «кто-то», может быть, внутренний голос поэта, «зов ясного прошлого», а может быть, его пережившаяся «шалуныя-девочка-душа».

Так Блока захватывает шутовская арлекиниада, не зависящая от его воли и потому трагическая. Он рассказывает о себе, уже утратившем былую цельность и ясность внутреннего мира:

Я был весь в пестрых лоскутках,
Белый, красный, в безобразной маске.
Хохотал и кривлялся на распутьях,
И рассказывал шуточные сказки.

Но от этих «шуточных сказок» поэт может лишиться рассудка: перед ним открывается просвет в некую пустоту, которую понять и избежать которой он не в силах. Вот почему в торжественные и величавые по своему тону и характеру стихи о Прекрасной Даме все настойчивее вторгаются мотивы ужаса, безумия, иронии: «Ты свята, но я тебе не верю».

И. Поздняков

Прекрасная Дама — героиня цикла стихов Блока — обращается в обольстительную девушку, каждый взгляд которой манит тайным соблазном. И оказывается, что в этих превращениях, настораживающих и пугающих, есть и своя прелесть, своя притягательная сила:

Мы знали знаньем несказанным
Одну и ту же высоту
И вместе пали за туманом,
Чертя уклонную черту.

Но я нашел тебя и встретил
В неосвященных воротах,
И этот взор — не меньше светел,
Чем был в туманных высотах!

Комета! Я прочел в светилах
Всю повесть раннюю твою,
И лживый блеск созвездий милых
Под черным шелком узнаю!

Поэт пытается постигнуть свою двойственность и противоречивость, он с особенной зоркостью всматривается в свой новый внутренний мир, пытается открыть себя обновленного и расслышать «прежний стук» своего сердца. Теперь Блок понимает, что он слишком сложен для того, чтобы излиться в каком-нибудь одном гимне. Вот почему меняется и самый характер стихов Блока: теперь они в большей мере, чем в былые времена, отвечают реальности и сложности переживаний его лирического героя:

Мне страшно с Тобой встречаться.
Страшнее Тебя не встречать.
Я стал всему удивляться,
На всем уловил печать.

В этой лирике — предчувствие того, что колеблются стены «былого дома», словно бы отгораживающие поэта от всего остального мира и от тех «жизненных опытов», без которых нет подлинной зрелости. Охваченный тайным нарастающим страхом, поэт долго отстаивал свои «белые храмы» и призрачные замки, свои детские мечты, идиллию «радостного сада», где так тепло и уютно жилось на свете! Но стены храма прежней веры слишком хрупки и ненадежны. Блок понял: какими бы привлекательными ни были его детские мечты и фантазии, им уже не сдержать того нового, что все сильнее и упорнее прокладывало себе дорогу и в окружающем мире, и в его внутренней жизни и что он уподоблял приходу весны, таянью льдов:

Весна в реке ломает льдины,
И милых мертвых мне не жаль...

И как бы ни были подчас милы эти «милые мертвые», Блоку становилось все труднее воскрешать их, все труднее обращаться за помощью и поддержкой к именам «безумно забытых святых».

С. Маковский

«Стихи о Прекрасной Даме» (объединенные в сборник вышли только в 1905 году) волновали молодые сердца и необычностью туманных образов, и смутными пророчествами, и задушевной, очень русской грустью. Лирический символизм «Стихов о Прекрасной Даме» Блока ответил характерному для того времени «алканию мечты» и «чудесной правды» в предгрозовых сумерках, разрешившихся нашей «первой» революцией (1905). Сам Блок, юный, вдохновенный, загадочный, казался как бы живым олицетворением Поэта на фоне этих политических, забрезживших свободой сумерек.

Неясность и мелодичность блоковских гимнов Ей, Неведомой, Вечной, Единственной завораживали, когда читал их сам автор, медленно, сдержанно, чеканя ритм, почти без выражения, но властно, слово за словом, чуть повышая голос на рифме. Одно из лучших стихотворений, удивлявших необычностью и темы, и ритмичностью рисунка — причудливого сочетания анапеста и ямба, — «Вхожу я в темные храмы...»:

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Величавой, Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

О, святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая — Ты.

К кому обращено это «Ты»? К женщине-избраннице? К потустороннему призраку? Или — к России?

Для тех, кто внимательно читал Блока, в стихотворении выражена его поэтическая сущность. Позже поэта называли «мистиком революции». Красное пламя народного восстания станет для него откровением высшей свободы. «Красный» — излюбленный его эпитет. Стремясь к «дали безвестной», он смолоду смешивал в одно понятие зарево и зарю:

Во сне и в яви — неразличимы
Заря и зарево...

Обращения к Прекрасной Даме, взволнованная искренность Блока, настроение возвышенной мечты с повторением все тех же останавливающих внимание слов обвораживали не одну передовую молодежь; он оказался удивительно созвучным эпохе.

Сборник стихов о Прекрасной Даме для Блока — особое личное переживание...

Созданный поэтом миф о ней, заслонивший молодого поэта от противоречий, сомнений жизни, не выдержал столкновения с действительностью, потерял свою силу. После выхода первой книги Блока начинается перестройка его внутреннего мира, устанавливаются новые отношения с действительностью, ведущие к преодолению отвлеченной созерцательности, своего прежнего мистического Я.

В программном стихотворении 1905 года «Ты в поля отошла без возврата...» (оно вошло во второй том в качестве вступления) говорится о новом символическом пути, пролегающем «в этом сонном мире», как о незыблемой и единственно доступной теперь поэту святыне:

Дай вздохнуть в этом сонном мире,
Целовать излученный путь...

О. Сазонова

Одним из интереснейших стихотворений цикла «Стихов о Прекрасной Даме» является откровение «Я вышел в ночь — узнать, понять...» (7 ноября 1902). Тема тревоги — основная в этом стихотворении:

И вот, слышнее звон копыт,
И белый конь ко мне несется...

И стало ясно, кто молчит
И на пустом седле смеется.

Сопоставление «Я вышел в ночь — узнать, понять...» со стихотворением Ф. Сологуба «Я ухо приложил к земле» помогает нам понять замысел Блока: ощущение лирическим героем неизбежной катастрофы приняло для поэта надличностный, космический характер.

В стихотворении Сологуба рисуется близкая Блоку ситуация:

Я ухо приложил к земле,
Чтобы услышать конский топот, —
Но только ропот, только шепот
Ко мне доходит по земле.

Предчувствие смерти — «вечной тайны бытия» — тема произведения Сологуба. В этом стихотворении выражена как будто бы та же, что и у Блока, тревога, стремление постигнуть приближающиеся исторические потрясения, надвигающиеся на мир. Образ «конского топота» вырастает в грозную картину «космических бедствий», как и у Блока. Сходными или даже общими становятся и достоинства и недостатки стихотворений. Однако развитие ситуации, движение ее у Сологуба совсем иное, чем у Блока. В первой строфе намечен совсем иной идейно-образный рисунок: слышен не «конский топот» — «но только ропот, только шепот». Главным героем стихотворения-предчувствия Сологуба является Личная Судьба. Тревога лирического героя имеет поводы личные, частные («зовет меня»). В последующих двух строфах переключка деталей передает громкие звуки тишины, «звучащей» зловещими шорохами в возбужденном воображении поэта; в финале тема личной судьбы звучит еще отчетливее:

Пророчит что-то тихий шепот?
Иль, может быть, зовет меня,
К покою вечному клоня,
Печальный ропот, темный шепот?

Так, у Сологуба все предзнаменования апокалипсиса оказались только «шепотами» личной судьбы о близости частного человеческого конца.

Совсем иначе у Блока: у него лирическое *Я* стремится узнать, понять не загадку личной судьбы, а расслышать шаги приближающейся вселенской катастрофы, порожденной человеческим, внутренним надломом души. «Конский топот» истории у него не противостоит «шорохам» и «шепотам», но возникает из них, из этих личных предчувствий, и разворачивается в апокалипсический образ. Разрыв между решением Времени, Вселенской Судьбы и предчувствием его лирическим героем — вот тема стихотворения Блока. Лирическая сила произведения — в начальной поэтической формуле: в вопросе, а не в ответе. Поэтому начальная строфа повторена в качестве финала.

Позднее Блок писал о Сологубе: «Предмет его поэзии — скорее душа, преломляющая в себе мир, а не мир, преломленный в душе». Точность этой оценки очевидна в разности решений одной темы у Сологуба и Блока.